

В. Ф. РЖИГА

Из истории одного литературного сюжета

(«Повесть о начале Тверского Отроча монастыря» в обработке В. Глинки)

Научно-исследовательские работы в нашем советском литературоведении большей частью проводятся по изучению творческого пути отдельных писателей, и только очень редко появляются работы, задуманные в ином плане, например, по истории литературных жанров, по истории поэтического стиля или по истории литературных сюжетов.

Однако целесообразность постановки такого рода научных исследований в интересах всестороннего развития марксистско-ленинской науки о литературе едва ли подлежит сомнению. Благодаря обилию и разнообразию привлекаемых материалов, очень часто неизвестных или мало известных, исследования по истории жанра, стиля и сюжета могут приводить к новым выводам, важным для понимания историко-литературного процесса как процесса, непрерывно развивающегося, социально обусловленного и диалектически противоречивого.

Цель настоящей заметки заключается, с одной стороны, в том, чтобы привлечь внимание будущих исследователей к таким повествовательным сюжетам, которые как бы соединяют древнюю русскую литературу с литературой новой. К их числу относятся не только сюжеты таких произведений, как Повесть о Фроле Скобееве и Повесть о Савве Грудцыне, но и сюжет «Повести о начале Тверского Отроча монастыря». С другой стороны, мне хотелось бы сообщить некоторые конкретные сведения, относящиеся к истории последнего сюжета, так как тот материал, каким я располагал раньше в этом отношении, теперь нуждается в дополнении.

Когда мне пришлось работать над статьей «Из истории повести», мне известны были следующие переработки «Повести о начале Тверского Отроча монастыря», появившиеся в течение XIX и в начале XX в.: 1) пересказ «Повести о начале Тверского Отроча монастыря», помещенный в «Ручном дорожнике» И. Глушкова, изданном Академией наук в 1801 г.; текст этого пересказа вошел полностью в «Словарь географический Российского государства», собранный А. Ш[екатовым] (М., 1804, ч. II, стлб. 341—344, под словом «Едимоново»); 2) повесть В. Т. Нарезного «Георгий и Елена», напечатанная в 1810 г. в № 2 журнала «Цветник»; 3) пьеса А. А. Шаховского «Сокол князя Ярослава Тверского или суженый на белом коне; русская быль, в четырех действиях, с хорами, воинскими потехами, танцами, играми, борьбой и большим спектаклем, музыка соч. г. Кавоса» (СПб., 1823); пьеса была впервые поставлена в Петербурге в Большом театре 18 октября 1823 г. и не раз ставилась позднее; 4) повесть П. Н. Полевого «Ненароком» (из тверских преданий), помещенная в сборнике «Исторические рассказы и повести» П. Н. Полевого (Рисунки К. В. Лебедева, СПб., 1892, стр. 5—22),

5) повесть Т. Северцова (Полилова) «Княжий отрок» (Историческая повесть из преданий XIII в.), печатавшаяся в журнале «Детское чтение» за 1904 г. в №№ 1—11.¹

В настоящее время приведенный перечень следует дополнить указанием еще на одно произведение, вышедшее в свет в 1837 г. Имею в виду недавно встретившуюся мне книжку под заглавием: «Отрочь монастырь». Быль XIII столетия. Сочинение Владимира Глинки. Пб., 1837.

Произведению В. Глинки предпослано небольшое предисловие исторического содержания, посвященное деятельности князя Ярослава Ярославича Тверского, в котором упоминается между прочим, что Ярослав Ярославич по приглашению новгородского веча два раза княжил в Новгороде. В конце предисловия имеется помета с датой: «Местечко Любчи, 1835 года, 14 февраля».

Обработка сюжета у В. Глинки облечена в драматическую форму, и хотя жанровая драматургическая разновидность произведения не обозначена автором, который предпочел ограничиться в подзаголовке такими общими выражениями, как «быль», «сочинение», однако драматический характер обработки очевиден, так как все произведение состоит из 10 сцен, которые по месту действия имеют следующие названия: I. Терем князя Ярослава Ярославича Тверского; II. Приемная палата; III. Пролесок; IV. Лес; V. Жилье причетника; VI. Село Единоново; VII. Опочивальня князя; VIII. Образная; IX. Берег; X. Княжеские палаты

Все произведение написано разностопными белыми стихами. С первого взгляда может показаться, что сюжет старинной «Повести» изменен тут мало. В самом деле, основные действующие лица те же: тверской князь Ярослав Ярославич, любимый его отрок Григорий, дочь единоновского причетника красавица Ксения, отец Ксении — Афанасий. Но в обработке В. Глинки к основным действующим лицам, восходящим к старинной «Повести», добавлен целый ряд второстепенных персонажей, как бояре, боярыни, отроки, гонец, ключник, конюший, воевода, казначей Бельский, тысяцкий Ейковичь, чернец и др., а также в окружении Ксении — бабушка, девушки Агаша, Маша, Параша, подруги, сваха и пр.

Развитие сюжета у В. Глинки сначала идет так же, как в «Повести». Здесь и просьба отрока Григория, обращенная ко князю, разрешить ему жениться на любимой девушке, дочери причетника Афанасия — Ксении. Здесь и соколиная охота князя Ярослава Ярославича, которая привела его в Единоново. Здесь, наконец, и появление Ярослава Ярославича в церкви в самом начале венчания и обращение его к отроку: «Не по тебе она — ищи себе другую», и к священнику: «Святой отец, я сам венчаюсь с ней». Однако, дочитав «сочинение» В. Глинки до конца, мы видим, что знакомый сюжет подвергся у него глубокой переработке, которая связана была с совершенно новым переосмыслением центрального образа произведения, образа отрока Григория. Если в старинной «Повести» отрок Григорий, потерпев неудачу в личной жизни, применяет свою энергию на поприще духовных подвигов и, благодаря этому, становится основателем Тверского Отроча монастыря, то облик отрока Григория у В. Глинки совсем иной. Наиболее полно раскрывается он перед читателем в предпоследней, IX сцене «Берег».

После венчания Ксении с Ярославом Ярославичем отрок Григорий, уединившись на берег реки, глубоко переживает волнующие его чувства отчаяния, ревности и негодования. Сюда же на берег приходит чернец,

¹ Из истории повести — Известия Тверского педагогического института, в. IV, 1928, стр. 111—116

посланный князем, чтобы утешить и успокоить отрока. Он приветствует Григория, но Григорий отвергает его приветствие.

«Не мне привет,
Отверженному нет привета».²—

говорит он. Чернец заявляет тогда, что он послан «от Ярослава князя»:

Он много милостей тебе воздаст,
Воздаст наград и благоденствий.³

Но Григорий с горечью отвечает: «Благодарю» и, закрыв лицо руками, добавляет:

И здесь покоя нет.

Чернец с укором замечает ему:

Грех, Григорий.
Кто взял тебя из нищеты,
Поставил на ноги и в люди вывел?⁴

На это Григорий, как бы продолжая слова чернеца, саркастически добавляет:

И после насмеялся тем, что
Смехом задушил во мне дыханье.⁵

Чернец снова зовет Григория вернуться в княжий терем и примириться «с собой и миром», но Григорий резко отвергает предложения чернеца и заявляет, что у него нет сил угождать князю и видеть его с Ксенией.

Но потешать великого
Забавой. И видеть с ней его — пусть
Судит бог — я не могу.⁶

Переживая чувства ревности и негодования по отношению к своей возлюбленной Ксении, он говорит:

Она оставила меня,
И ласковая речь ее уж не ко мне,
К нему — и жадно он ее лобзает.
Пускай морочит сердце владетельного князя;
Но не могу свладеть с собой:
Когда она передо мной, с чарующим
Приветным, светлым взглядом
И величавою тщеславной красотой
Предстанет с усмешкой на устах.
Усмешка та змеиным жалом
Пронзит грудь ядом смертоносным,
И кровью сердце закипит!⁷

Чернец снова пытается уговорить Григория, чтобы он переломил себя, «смиреньем заменя строптивость», и напоминает ему о той щедрости, какой он пользовался со стороны князя, но Григорий с негодованием возражает на это:

Нет,
Лжешь, отец святой. Мнишь
Ум молодой неправдой обойти,
И дух, встревоженный и злобой и тоской,

² «Отрочь монастырь». Сочинение В. Глинки. СПб., 1837, стр. 94.

³ Там же, стр. 95.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 97.

⁷ Там же, стр. 98.

Ты не смутишь и не смиришь неправдой
 Князь дал мне волость — но и ту
 Я кровью выслужил моей!
 И пусть возьмет На божьем свете
 Много места для разгула И много
 Мест, где власть его бессильна⁸

В противоположность чернецу, Григорий убежден, что не он многим обязан князю, а наоборот, князь в долгу перед ним, так как в свое время отрок Григорий спас ему жизнь:

Пусть вспомнит, что говорил мой князь,
 Когда его от страшного, расвирепелого
 Медведя неосторожного я охранил
 Тогда он целовал лобзанием живым
 Он мне поведал: ты мне друг⁹

А теперь все это забыто

Теперь же другу сердце раздробил
 И, жизни не отняв, в обломках
 Самого меня — меня похоронил!¹⁰

Продолжая негодовать на свою возлюбленную, Григорий так взволнован бурными переживаниями, что досадует на самого себя.

Зачем

Не растоптал я брачного венца?¹¹
 И в их крови их¹¹

воскликает он, явно недоговаривая, но, несомненно, имея в виду свой порыв совершить кровавую расправу с Ксенией и с князем. На новый призыв чернеца «Смири себя», Григорий насмешливо и злобно отвечает:

Смири! Когда вытягивают жилы,
 Невольно корча корчит!
 Когда неправдой раздирают слух,
 Невольно кипятится ретивое
 И рвется из груди¹²

Наконец, измученный обуревающими его чувствами, не желая принимать ни пищи, ни воды, отрок Григорий слабеет и на глазах чернеца умирает

Другой образ произведения, тоже находящийся в центре внимания автора, а именно образ тверского князя Ярослава Ярославича, также раскрывается им как внутренне противоречивый. Еще в предисловии автор заметил, что Ярослав Тверской «являлся всегда то обидчиком, то кающимся в посягательстве преступления на честь народа и человека!»¹³

Полон внутренних противоречий он и в самом произведении. Отправляясь на охоту, он видит вещей сон. Ему чудится, что

По воздуху разнесся мрак и жар
 И превратился мир в кипящий океан!¹⁴

⁸ Там же, стр. 102

⁹ Там же

¹⁰ Там же

¹¹ Там же, стр. 103

¹² Там же, стр. 104

¹³ Там же, стр. 111

¹⁴ Там же, стр. 57

Но потом он оказался в чудесной долине, где ему явилось видение:

... по персям бились кудри,
И месяца ясней сияли светлы очи!¹⁵

Женщина удивительной красоты держала в руках «серебряные гусли».

И лишь коснулась до струн златых —
То звуки издались... каких доселе
Не слышал и все бы слушал.¹⁶

Но затем светлое видение сменилось страшным: послышался рев зверя

... и вместо девы — горят,
Как уголья зажженные, три ока
И черный, смоленный, на двух ногах
С хвостом, стоит тигр шестокрылый!
И пышет пламя из гортани.¹⁷

Князь Ярослав искренне любит своего верного слугу отрока Григория, но не задумывается отнять у него любимую невесту. Самое увлечение его Ксенией изображается как своего рода прихоть. Хотя он и признает, что среди красавиц, которых он видел на своем веку, не было пригожей и милей его теперешней жены, но тут же сознается, что «и она уже постыла».

... О, боже мой!
Как суетны желанья наши.¹⁸

Узнав, что отрок Григорий скрылся неизвестно куда, Ярослав обещает осыпать золотом того, кто найдет его верного друга. Видя слезы Ксении, он и сам готов плакать. Мучимый совестью за совершенное и терзаемый беспокойством за судьбу отрока, он говорит:

То видно было божие виденье!
Мне снился сон — припоминаю...
Но мог бы побороть желанье
И молодость Григорья пощадить!...
И княжеским венцом не отымать
Желанного венца четы достойной!
Что если в безумии своем
Наложит руку на себя? аль
Изуродуется весь? а может быть, давно
Бессчастный горемыка запропастил
В лесу дремучем душу!¹⁹

И, наконец, осмысля привидевшийся во сне образ страшного тигра как угрызения совести, он добавляет, обращаясь к самому себе:

... Что,
Ярослав! Так по заслугам верность
Наградил? ... И мучит без мучений
Злодейский, шестокрылый тигр!²⁰

Третий важный образ произведения — образ Ксении — по сравнению с образами отрока и Ярослава Ярославича не дает повода для новых существенных наблюдений: в основном он соответствует образу Ксении в «Повести», хотя психологические очертания его стали тоньше.

¹⁵ «Отрочь монастырь». Сочинение В. Глинки, стр. 57.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 58.

¹⁸ Там же, стр. 73.

¹⁹ Там же, стр. 81.

²⁰ Там же.

Характер отрока Григория, как мы видим, определил его трагическую судьбу. А соотношение образов Ярослава Ярославича и отрока обусловило новую развязку сюжета, какую находим в последней сцене «Княжеские палаты». Здесь изображается, как Ярослав Ярославич, потрясенный гибелью отрока, в приливе покаянного настроения велит служить панихиды по Григорию и открыть «погребя и житницы»,

Чтоб только голос бедных и сирот
Молились о душе его спасенья
На месте ж том, где умер он,
Поставить там обитель, и будь то —
Отрочь монастырь²¹

Итак, монастырь основал, по В. Глинке, не отрок, а князь в память отрока.

Образ же отрока Григория стал чисто светским и далеким от религиозного благочестия.

Ознакомившись с драматической обработкой старинного сюжета у В. Глинки, мы не можем не признать, что обработка эта представляет, несомненно, историко-литературный интерес.

Если для романтизма, как он сложился в искусстве XIX в., «характерно расхождение между мечтой и действительностью, между идеалом и реальностью»,²² то необходимо признать, что этот характерный признак налицо в том образе отрока Григория, какой создан В. Глинкой. В самом деле, идеальные представления отрока Григория о любви и дружбе оказались в резком противоречии с действительностью: любимая им невеста по воле судьбы изменила данному ею слову, а князь, назвавший его своим другом, не поколебался отнять ее у него. Отсюда трагизм Григория и его гибель. Итак, образ Григория является образом романтическим. В соответствии с образом Григория образ князя Ярослава Ярославича полон внутренних противоречий, о чем мы уже говорили. А так как эти центральные образы определяют собой развитие сюжета и смысл развязки, то следует полагать, что и все произведение В. Глинки является романтическим, возникшим на той стадии русского романтизма, какой он достиг в первую половину 30-х годов XIX в. Важно вместе с тем уяснить, с какой именно разновидностью романтизма следует соотносить это произведение: с романтизмом ли реакционным или романтизмом прогрессивным. Романтизм реакционный, как известно, характеризовался безнадежностью, бесперспективностью. Идеалы же романтизма прогрессивного в какой-то мере отвечали «объективным тенденциям развития действительности»,²³ хотя пути и средства разрешения противоречий между идеалом и действительностью оставались для романтиков в значительной степени неясными. Если с этой точки зрения взглянуть на образ отрока Григория, как он создан В. Глинкой, то нельзя не заметить, что трагическая гибель Григория, хотя и является психологически мотивированной, но все же с точки зрения самого автора не представляется безусловно неизбежной. Сам В. Глинка влагает в уста своего героя такие высказывания, которые прямо намекают на возможность какого-то реального выхода из создавшейся трагической коллизии.

²¹ Там же, стр. 118

²² А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. Изд. МГУ, 1955, стр. 489.

²³ Там же

Вспомним, с одной стороны, как отрок Григорий сожалеет, что он сдержал свой порыв отомстить Ксении и князю кровавой расправой с ними. Вспомним также слова, сказанные им чернецу:

Князь дал мне волюсть, но и ту
Я кровью выслужил моей.
И пусть возьмет — на божьем свете
Много места для разгула... И много
Мест, где власть его бессильна.

В том и другом случае мы не можем не видеть намеков самого автора на возможность дальнейшего развития созданного им образа. Мы догадываемся, что его отрок Григорий, если бы остался в живых, мог бы уйти в лагерь врагов тогдашнего уклада, т. е. сделаться мстителем или разбойником.

Как бы то ни было «Отрочье монастырь» Владимира Глинки заслуживает внимания как оригинальное драматическое произведение, переработавшее старинный повествовательный сюжет в духе прогрессивного романтизма первой половины 30-х годов XIX в.
